

Александр Серафимович

На панском фронте

Серафимович Александр

На панском фронте

Александр Серафимович СЕРАФИМОВИЧ НА ПАНСКОМ ФРОНТЕ

Рассказ

Знойное небо, чудесное расплавленное солнце, от которого давно у всех загорели лица; ласковый горячий ветерок струится все в одну сторону, раскачивая березы; а под ними на песке судорожно играют живые тени и трепетные золотистые пятна. Пахнет до одури насыщенным смолистым запахом, голова кружится. Чайку бы попить в этой благодати да с книгой завалиться вон в той сосновой роще.

А вместо этого головы всех подняты вверх, и глаза напряженно следят. В голубой высоте то сверкнет, как длинная спица, то погаснет, и снова знойная голубизна, и опять сверкнет.

- Каждый день бомбы кидает. Летает вот рукой подать, за лес крыльями цепляется, а ничего не поделаешь: пулеметы не берут, снизу блиндированы, а пропеллер - туда не попасть.

- погоди, - говорит другой красноармеец, - вот привезут наши, перестанет зря мотаться над нами.

Длинная игла в небе совсем погасла.

- В тыл полетел, эшелоны все ищет.

Стоит красавец, сажень косая росту, плечистый, стройный, пышет алая фуражка; до самой земли кривая кавказская, похожая на ятаган, шашка, вся в серебре, с чернью. Весь он затянут, все в нем кокетливо-воинственно и отважно. Чувствуется лихой кавалерист.

- Вот приходится со своими же поляками воевать. Да, я - поляк из Вильны.

- Как они дерутся, поляки-то?

- Да как вам сказать, есть пехотные части стойко бьются, а кавалеристы наших атак не принимают. Два раза водил свой конный отряд в атаку, оба раза не приняли, показали тыл. А одеты - один шик. Тут, - он провел пальцем вокруг горла, - оторочено черным барашком; в таких коротких затянутых мундирчиках - загляденье. Конечно, в общем, сейчас дерутся хорошо, но как только нас подпрут резервами, разобьем, у меня нет сомнений. Только вот, злодеи, мучают наших пленных, такие пакости делают. Я сам видел трупы наших пленных красноармейцев; знаете, не хочется и рассказывать, что проделывают! Что

турки когда-то.

Толпа красноармейцев, сгрудившаяся во круг, тяжело молчала, не глядя друг на друга.

- А по-моему, так, - заговорил кавалерист, - пленных брать, кормить-поить, хорошо обходиться, а сколько наших изуродуют, столько ихних, так же с этими сделать и положить в халупе, а самим уйти и записку оставить. "Смотрите, мол: вы наших - и мы ваших, как раз столько же, не больше, не меньше".

- Верно. Так... - загудели кругом голоса, и красноармейцы оживились.

- А у нас, на Восточном фронте я был, - заговорил небольшого роста красноармеец, с большими ушами и хитроватыми на несмеющемся лице глазами, сухопарый и подвижной, должно быть, из рабочих, - так что делалось? Казаки резали из спины наших пленных ремни, выжигали на груди звезду, закапывали живыми. Ну, мы в долгу не оставались. Так и шло. А потом додумались: взяли в плен целый полк - бородачи, зверье. Грязные, обовшивели, оборванные. По-волчьи глядят из-под насупленных бровей, ждут расправы. Ну, комиссар послал их перво-наперво в бани.

Вымылись, дали им чистое белье, одежду, а когда вышли из бани, встретили оркестром; как грянули, они обалдели: стоят, разинули глаза, ничего не понимают. А вечером устроили им митинг, рассказали, что они нам братья - только глаза им заволокло. Повели в театр кинематограф, концерт устроили. Так сами, когда пришли в себя от изумления, все встали, как один человек, в Красную Армию и, как звери, дрались со своими, с белыми.

Красноармейцы молчали, вопросительно поглядывая друг на друга, не умея определить своего отношения к рассказанному.

- То есть, - сказал кавалерист, - они наших будут уродовать, а мы их будем угощать?

- Товарищ, - сказал со смеющимися глазами, - чего ты, десять лет хочешь воевать?

- Как!

- Да ежели мы им носы и все прочее начнем резать, так ведь они, как звери, будут драться до самой Варшавы: сколько нашего брата поляжет! А если по-братски с пленными, после первого хорошего нашего удара рассеется вся армия, вот посмотрите.

И странно, по толпе пробежало оживле-

ние, засверкали улыбки, и дружно загудело:

- Ясное дело.

- Отдан приказ не трогать, ну и не трожь...

- Верное дело. Кто сам себе враг?.. Кому охота затягивать войну?..

А на песке все так же трепетно играли ежеминутно меняющиеся золотистые пятна.

1920